

Ирина
МЕЛЬНИКОВА
Георгий **ЛАНСКОЙ**

Ключи Пандоры

Москва

2015

ЭКСМО

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М48

Оформление серии *Н. Никоновой*

Мельникова, Ирина Александровна.

М48   Ключи Пандоры : [роман] / Ирина Мельникова, Георгий Ланской. – Москва : Эксмо, 2015. – 416 с. – (Его величество случай).

ISBN 978-5-699-79158-3

Скорее всего, эта история — пустышка, коих в их репортерской профессии тысячи. А вдруг, наоборот, то самое, чего любой журналист ждет всю жизнь?.. Юля поняла: она не успокоится, пока не размотает клубок странных событий до конца. И не позволит своему старому другу Никите, с которым у нее когда-то случился бурный, но короткий роман, одному заниматься этим делом. Слишком опасно! Они будут рыть землю носом, но выяснят, что за таинственный объект упал ночью в тайгу. Приятель Никиты случайно заснял этот момент на телефон, после чего бесследно исчез... Жив ли он? И почему жители соседней деревни боятся ходить в тот лес? Вряд ли дело в поселившихся там сектантах-солнцеклонниках... Кто бы мог подумать, что в этой глухомани наберется столько тайн! Ни Юля, ни Никита даже не подозревали, в какую авантюру они ввязываются...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-79158-3

© Мельникова И., Ланской Г., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

Пролог

26 мая 201... года. Деревня Миролубово

Максим лежал на стоге сена, глядел в ночное небо и отчаянно зевал. Скука навалилась пудовой тяжестью, давила и выламывала челюсти.

В чернильной темноте остро и холодно сверкали звезды. Окна в деревне давно уже не светились, и только где-то далеко-далеко на горизонте изредка вспыхивали зарницы. Старики укладывались рано. А вот ему не спалось. Свою норму он выбрал днем, провалявшись на сеновале с книжкой в руках. Но книга попала скучная — про колхозную жизнь и битвы за урожай, так что сон его свалил где-то на третьей странице. Но угрызений совести Максим не испытывал. Чем тут еще заняться? От тоски и безделья он даже забор попытался починить. Вышло скверно, бабка, правда, не корила, но за спиной несколько раз выразительно вздохнула. Конечно, ей не понять, почему внук, взрослый, по сути, парень, не умел ни гвоздь забить, ни печь растопить, даже огород вскопать для него непростая задачка. Но зачем бабушке знать, что у него лучше всего получалось косить. Причем не траву...

Максим перевернулся на живот. Прямо по курсу маячил бабушкин дом — простая деревенская изба с тремя окнами на фасаде, большими сенями и крыльцом в четыре ступеньки.

В воздухе витали запахи прелого сена и молодой листвы. Деревья о чем-то монотонно шептались, видно, делились сплетнями, но день за днем вокруг ничего не происходило, поэтому все пересуды наверняка сводились к одной-единственной фразе: «А вы слышали, что...»

И правда, какие могут быть новости в заброшенной деревне, где осталось с десятков обитаемых домов, да и в тех жили одни пенсионеры — больные, скучные в своей неспособности, взиравшие на мир поблекшими от старости глазами. Ежедневно они выползали из своих домишек, грели старые кости на завалинках и чесали языками. Иногда приглашали Макса посидеть рядом, и он, бывало, соглашался. А что еще оставалось в глухом медвежьем углу, кроме как поболтать о том, что в голову взбредет, перемолоть словесную шелуху, послушать или сделать вид, что слушаешь, маразматический лепет?

Бабка, конечно, была рада его приезду. Несмотря на вялые уговоры дочери, она гордо отказалась перебраться в город и осталась жить в своем Миролюбове, в котором давно закрылись и медпункт, и почта, и даже магазин работал только с весны по осень, а пенсию в непогоду доставляли на вездеходе. Перед зимой старики запасались продуктами: парой мешков муки и сахара, подсолнечным маслом, спичками и солью. Запасы хозяйственного мыла хранились в чуланах еще с советских времен, так что долгую зиму можно было пережить без особых потерь и потрясений. Разбитую дорогу власти давно забросили, зимой ее затягивало двухметровыми сугробами — ни пройти ни проехать, и жители находились на положении Робинзона Крузо, с одним отличием, что первая автолавка, как привет от цивилизации, навещала их накануне Пасхи, а то и Первомая.

Бабкина мотивация деревенской жизни, по мнению Макса, была глупой и неосмотрительной, и он всякий раз

морщился, когда слышал, что она всего лишь хочет умереть на родной земле.

Какая разница, где умирать? Что за глупости? Покойнику все равно, где тлеть: в родных краях или на чужбине. Земля одинаково терпима и к старикам, и к молодым, к убийцам и к их жертвам. Ей безразлично, скончался ли ты в постели в присутствии рыдающих родственников или затащил петлю на шею в грязном сарае. Для всех она пухом, независимо от места рождения и толщины кошелька, цвета кожи и вероисповедания. Примет и африканского язычника, и праведного христианина. Никому не откажет... Однако бабка уперлась рогом и, не слушая здравые доводы, переезжать к дочери наотрез отказалась.

От долгого безделья Максим приходил в бешенство, но ничего не мог изменить. Мобильная связь постоянно барахлила, а то исчезала на сутки и больше. Но если и работала, то голос собеседника едва пробивался сквозь шумы и шорохи — почти потусторонние, как в тех фильмах ужасов, где зловещие девочки лезли из колодца, чтобы забрать душу героя. По этой причине общение с внешним миром состояло из эсэмэсок и обмена фотографиями.

Единственный на всю деревню исправный телевизор был у его бабушки, но и он с трудом ловил только Первый канал. Лишь иногда прорывались «Вести», но треск, помехи забивали голоса и изображение. И все-таки местные старушки исправно собирались посмотреть очередной малобюджетный сериал, притянутый к реалиям России. Страсти кипели в родном антураже, только сюжеты остались прежними — ходульными и предсказуемыми. Отечественные Марианны, как их соратницы бразильянки и аргентинки, теряли память, детей и деньги, местные Луисы Альберто изменяли возлюбленным налево и направо, кутили в кабаках и прожигали деньги в подпольных казино, а затем вовремя женились на горничных, ставших

вдруг наследницами миллионного состояния. Актеры были скверными, диалоги — нудными, чувства — пластиковыми, а сами сериалы — бездарным хламом, заполонившим российские телеканалы.

— Максюша! — позвала бабка от крыльца.

— Чего? — рывкнул он в ответ, отчего сонная ворона, прикорнувшая на воротах, заполошно каркнула и едва не свалилась в крапиву.

Поднявшись на крыло, она устроилась на вековой березе, чьи огромные ветви нависали над старой шиферной крышей, заросшей зеленоватым мхом.

Бабка была глуховата, и Максим это знал. Вот и сейчас, подслеповато щурясь, она пыталась разглядеть в темноте внука.

— Максюша! — позвала она более уверенно. — Ужинать будешь?

— Потом, ба! — недовольно крикнул он.

— Когда потом? — спросила она тоскливо.

«Потом» означало, что внук примется брэнчать мисками за полночь, по обычаю, не найдет хлеб или чугунок, заботливо упрятанный в глубь русской печки, рассердится, забурчит громко и, конечно же, разбудит ее, нарушит хрупкий сон. И тогда придется вставать и собирать на стол. А ей, умаявшейся за день на огороде, страсть как не хотелось этим заниматься. Упасть бы сейчас в кровать в объятия пуховой перины, просушенной на солнышке, и не вставать до рассвета.

— Я скоро! — сбавил тон Максим. — Дверь только не запирай. Я тут еще немного побуду.

Бабка постояла с минуту на крыльце, а затем, махнув рукой, ушла в дом. В конце концов, не маленький, дверь запрет, ужин она на столе оставит — ничего с ним за пару часов не случится, пусть даже внук позабудет убрать остатки в старенький холодильник. Внуки — всегда в радость, а Максим у нее хороший! И воды натаскает, и дров нару-

бит, и в огороде иногда поможет. Правда, тот еще неумеха. Но что поделаешь? Городские они такие! Не приучены к настоящей жизни, потому что горя не знали, не испытали ни голода, ни холода...

Максим услышал, как хлопнула дверь, и снова уставился в небо. К бабушке он приезжал дважды в год, весной и осенью, с началом призыва в армию. На взятки у матери не было денег, откуда они у простой учительницы? Неизлечимыми болезнями он не страдал. Хоть бы плоскостопие банальное имелось, так ведь ничего! В институт с военной кафедрой Максим не поступил из-за природной лени — не лезли науки в голову со школьной скамьи. Оставался один вариант — скрыться от вездесущих офицеров военкомата куда-нибудь подальше, чтобы не нашли даже с собаками.

Солнце давно скрылось за горами, но прохладнее не становилось. Футболка прилипла к телу, сенная труха неприятно колола кожу. Он обреченно вздохнул: «Сходить, что ли, искупаться?» И на спине скатился со стога. Мельком глянул на темные окна дома. Бабка явно легла спать. Это она только соседкам рассказывает, как всю ночь глаз не смыкает. На деле начинает храпеть, едва только голова коснется подушки.

Максим усмехнулся и решительно направился в сторону озера, которое лениво плескалось сразу за околицей.

В прошлом году из-за плохой погоды он ни разу в него не окунулся. Но сейчас стояла небывалая для мая жара. Неглубокое озерцо прогревалось до дна, и к вечеру вода становилась почти горячей. Берега были топкими, так что искупаться можно было только в одном месте — рядом с тропинкой, что вела от деревни. Справа и слева от деревянных мостков торчали из желтой воды, словно часовые, жесткие стебли камыша. За озером вздымалась черная стена леса. Местные туда почему-то не ходили. Объясняли,

что со стороны Миролюбова лес ничуть не хуже, а грибы да ягоды сами, мол, лезли в лукошки.

За этим лесом находилось большое село с хорошими дорогами, магазинами, добротными домами со спутниковыми тарелками на крышах. Но Максим так и не побывал ни в чужом лесу, ни в соседнем селе. Всякий раз что-то останавливало от похода за озеро. Может, жара, а скорее всего, примитивная лень. Старики о селе рассказывали неохотно, а стоило ему поинтересоваться лесом, тут же переводили разговор в другое русло. Даже бабушка отмахивалась от его расспросов, смотрела почти с суеверным ужасом и, мелко крестясь, почему-то оглядывалась на деревянные резные рамки, что висели над ее кроватью, с двумя десятками старых фотографий крепких мужиков в картузах и буденовках и скуластых деревенских теток в платочках.

Скинув с себя одежду, Максим аккуратно сложил ее на мостки, сверху пристроил мобильник, затем, недолго думая, стащил трусы. Подглядывать тут некому, а если и было бы кому, то все развлечение повеселить любопытных. Он неуклюже сполз с мостков и, когда вода дошла до пояса, нырнул в прохладную темноту, пахнущую водорослями.

Доплыв до середины озера, Максим лег на спину и, распластавшись на воде, как морская звезда, застыл, покачиваясь на теплых волнах. Надкусанный ломоть луны поднялся над лесом и завис в небе. Отсвет ее разбился о воду на тысячи осколков. Мертвую тишину не нарушал ни один звук — ни шепот камышей, ни кваканье лягушек, лишь прокричала вдалеке ночная птица и тут же смолкла, словно поперхнулась.

Этот крик странным образом насторожил его. Откуда-то примчался ветер, взбил волну, и тогда, не раздумывая, Максим поплыл к берегу. На мостках он попрыгал на одной ноге, избавляясь от воды в ушах, и натянул трусы. После долгого купания он изрядно замерз и, стуча зубами, принялся одеваться.

Телефон выскользнул из мокрой руки, но Максим удачно подхватил его в последний момент и не на шутку испугался. Не хватало, чтобы мобильный свалился в воду! Тогда все! Каюк связи и немудреным развлечениям типа простеньких игр!

Он удовлетворенно вздохнул, затолкал телефон в карман штанов и чуть не свалился с мостков от неожиданности. Багровая вспышка располосовала небо, ослепила, заставила зажмуриться, а по ушам, разрывая перепонки, ударил резкий пронзительный свист. Он оглянулся и обмер от ужаса. С неба от деревни на него перла раскаленная треугольная громадина, вся в сполохах пламени по краям.

Трясущимися руками он вытащил телефон и включил видеозапись. Странная штука, оставляя за собой густой дымный шлейф, под острым углом пронеслась с диким ревом над озером и, ломая верхушки деревьев, на миг зависла над лесом, и вновь — раскалывающий голову свист, словно мимо промчались с десятков электричек одновременно, и воздушная волна, что пригнула камыши и взбаламутила воду.

Стиснув зубы, он обхватил голову и присел на корточки, приготовившись к удару и страшному грохоту. Он не сомневался, что странный объект вот-вот врежется в землю. Но если эта штука взорвется, как атомная бомба, то не спасешься, даже прыгнув в воду. Озеро просто испарится, впрочем, как он сам. А от деревни и леса и даже от почвы останется только корка, спекшаяся от чудовищного жара. Максим глухо завыл от ужаса и на четвереньках пополз по мосткам к берегу.

Время точно увязло в липком сиропе. Взрыва не было, как и смертельной вспышки. Дымный след разогнал ветер с озера, заквакали лягушки, загудели комары. Максим поднялся с травы, мокрой от ночной росы. К своему удивлению обнаружил, что телефон, который он крепко

сжимал в руке, продолжал снимать. Он быстро отключил запись и затем, словно боясь обмануться, нажал кнопку воспроизведения.

Нет, он не ошибся! Странный объект с мерзким свистом и снопами искр валился на лес... Но, если удара о землю не было, исчезли багровые всполохи в небе и свист прекратился, словно заглохли двигатели, значит...

Максима заколотило от радостных предчувствий. А вдруг объект приземлился где-то поблизости? Что там говорят ученые? Неужто контакт? Неужто инопланетяне? Иное просто не укладывалось в голове, потому что раскаленная штука очень смахивала на корабль пришельцев. По крайней мере, нечто подобное он видел в голливудских блокбастерах.

Не разбирая дороги, Максим бросился к лесу, огибая озеро по широкой дуге. С непривычки в бок закололо, но он упрямо мчался вперед. Порывы ветра высушили влажные волосы, в горле першило, но он уже достиг противоположного берега и замер на опушке, раздумывая, идти или не идти дальше.

Эйфория улетучилась быстро при виде глухой чащобы. А голова вновь обрела способность соображать. Теперь он понимал, что поступил опрометчиво. С одной стороны, соваться в лес среди ночи — глупость несусветная. Можно заблудиться и забрести бог знает куда. С другой — эта штукавина стопроцентно села где-то неподалеку. Если идти все время прямо, то минут через двадцать он наверняка выйдет к месту приземления. А если ничего не найдет, то повернет обратно и к утру уже будет в деревне.

Ему было страшно и неудобно. Внутренний голос подсказывал, что надо бежать отсюда во всю прыть. Но Максим медлил, переминался с ноги на ногу. Никто не знал, что он ушел на озеро. Старики видели десятые сны и если что и слышали без слуховых аппаратов, то ни за что не сунулись бы ночью на улицу, тем более не пошли бы про-

верить, что за чудо-юдо пронеслось над деревней. Он вдруг подумал, что внутри этой штуки может оказаться нечто, неподвластное разуму, или враждебное, или просто опасное для жизни. Тогда по-любому от него останутся только рожки да ножки, или кучка пепла, или, того хуже, газовое облачко. Человеку свойственно опасаться за свою жизнь, и этот довод оправдывал его колебания. Но как же сенсация? На ней можно неплохо заработать и наконец решить все проблемы... Вдобавок у него есть видео. Нет, нельзя упускать момент, иначе будет жалеть всю жизнь, что не воспользовался щедрым подарком судьбы...

Он достал телефон, включил его. Связь, как всегда, была отвратительной. Антенна — на одно деление, так что позвонить не получится, да и батарея вот-вот сядет. Набрав сообщение в несколько слов, Максим прикрепил к нему видеофайл и нажал на кнопку. Телефон тут же звякнул в ответ, оповестив, что сообщение отправлено.

Тогда он неожиданно для себя перекрестился и уже без тени сомнения направился к лесу...

* * *

28 мая 201... года. Москва

В тринадцать часов Дмитрий Харламов, сотрудник одного почтенного ведомства, воспользовался законным перерывом и отправился на обед. Прапорщик на посту охраны с аппетитом поедал беляш, завернутый в промасленную бумагу. Заметив Харламова, быстро убрал его под стол, вскочил на ноги и вытянулся во фронт. Дмитрий невольно поморщился, но мигом согнал с лица недовольство и даже кивнул прапорщику, отмечая его усердие. Тот проводил его взглядом и, когда Харламов миновал двери, поднес рацию к жирным губам и буркнул несколько слов в микрофон.

Обычно Дмитрий обедал в ведомственной столовой, где вяло пережевывал котлеты и столь же вяло обсуждал с коллегами дела, женщин и футбол. Столовая была по своему уютной, но бывшая совдеповская сущность так и лезла из всех углов. Тут отсутствовала юная официантка с аппетитными формами, которую можно было бы запросто хлопнуть по попке в тот момент, когда она подливала вам кофе из прозрачного кофейника. Нет, здесь, как в старые добрые времена, нужно было взять мокрый пластмассовый поднос, поставить на него тарелки с первым и вторым блюдами, не забыть прихватить стакан компота или сока, выстоять унизительно длинную очередь и лишь затем рассчитаться с кассиршей — пышной брюнеткой Анфисой, проверенной временем и спецотделом. Анфиса против покушений на ее девичью честь не возражала, вот только добровольцев, готовых участвовать в этой авантюре, находилось все меньше и меньше. В Структуру приходили молодые волки, а старые зубры мучились от гастрита и простатита и на перси кассирши реагировали уже не так пылко, как раньше.

Среди старожилков ходила байка, что из-за специфики учреждения даже еда здесь способствовала быстрому выходу на пенсию по инвалидности. Это рождало здравую мысль: власти могут меняться, но система — никогда!

Обедать тут Харламов не любил, но часто ему просто не хватало времени сбегать в уютное кафе за углом, хотя обед выходил там не дороже, чем в столовке. Но в кафе порции были большими, картофельное пюре сдабривали куском масла, а не разбавляли водой, наваристые супы не уступали домашним. Официантки знали выходцев из казенного дома в лицо, улыбались им, но держали себя строго, не кокетничали, а те из благодарности за уют и вкусные обеды оберегали кафе от проблемных посетителей.

Однако, выйдя из здания, Дмитрий пошел в противоположную от кафе сторону, к гипермаркету с кучей бутиков,

развлекательным центром и десятком кафе на все вкусы. По оперативной информации, он принадлежал супруге крупного чиновника из районной управы, а не ее бывшей горничной. В Структуре по этому поводу особо не заморачивались, благо чиновник властью пока не злоупотреблял и в махинациях с бюджетом не засветился.

Харламов глянул на небо, откуда жаркое не по сезону солнце посылало расплавленный огонь на головы горожан, нацепил на нос очки и, придав себе вальяжный вид, зашагал в сторону монстра из стекла и бетона, взиравшего на пешеходов с высокомерием английского сноба. Похоже, он ко всему в округе относился с кичливым чванством, а уж казенный дом, чьи стены были облицованы плитками розового гранита еще в советские времена, презирал и подавно.

Бегло взглянув на часы, Харламов слегка прибавил шаг. Для того, что ему предстояло сделать, нервозность не годилась. Прежде все было проще, но с недавних пор стало казаться, что в спину воткнулся раскаленный гвоздь чужого взгляда, пристально наблюдавшего за каждым его движением. Ощущение слезки не пропадало ни на минуту, даже дома, даже в постели с женой, и все больше смахивало на паранойю. По мере приближения к гипермаркету тревога нарастала, грозила перейти в панику, а рубашка пропотела насквозь от жары и страха.

Конечно, он умел уходить от слезки, но это было опасно вдвойне, так как у тех, кто установил за ним наблюдение, подозрения могли быстро перерасти в уверенность. А в его положении это было чревато... Правда, топтуны из наружки пока себя не проявили, хотя он то и дело незаметно проверял, нет ли «хвоста». Наконец Харламову это надоело.

«Соберись, тряпка! — приказал он мысленно и стиснул зубы. — Ничего не случится, если не вести себя как идиот.